

Иллюстрации
к “Разговору
в царстве мертвых
замечательного
русского царя
Петра Великого
и ужасного тирана
Ивана Васильевича II”
(Ивана Грозного)
Д. Фассмана (1725)
как инструмент
конструирования
представлений о
России в Европе*

**Екатерина Александровна
Скворцова**

С.-Петербургский государственный
университет
С.-Петербург, Россия

Illustrations to
“Gespräche in dem
Reiche derer Todten
zwischen dem
vortreflichen
Moscowitischen Czaar
Petro Magno und dem
grossen Tyrannen Ivan
Basilowiz II” (Peter the
Great and Ivan the
Terrible) by David
Fassmann (1725)
as an Instrument of
Constructing a Picture
of Russia

Ekaterina A. Skvortcova

St. Petersburg State University
St. Petersburg, Russia

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-78-10130).

Резюме

“Разговоры в царстве мертвых” Давида Фассмана (1683–1744) — журнал, издававшийся в Лейпциге в 1718–1740 гг. и имевший большой успех. Каждый из 240 выпусков построен в форме диалога в загробном мире двух исторических личностей. Тексты 83–86 энтревью, где собеседниками выступают Петр Великий и Иван Грозный, получили убедительную историческую и литературоведческую интерпретацию в работе Э. Маттеса (1987). В настоящей статье выявлены особенности визуализации содержания 83–86 энтревью в иллюстрациях, которые в тесной взаимосвязи с текстом служили важным инструментом насаждения определенных представлений о России. Иллюстрации к первому диалогу серии, где образы Петра и Ивана противопоставлены друг другу, и ко второму, где они преподнесены по принципу подобия, делают “тирана” и “варвара” Ивана Грозного точкой отсчета, соотнося с которой деяния Петра читатель вынужден обнаружить не только различия, но и сходство. Благодаря этому складывается многомерный образ России начала XVIII века. Персонажей второй иллюстрации — тигра и палача — можно идентифицировать как Ивана и Петра только через сопоставление стихов-эпиграммы к изображению, иллюстрации к предыдущему диалогу, текста следующего энтревью и известных по другим текстовым и изобразительным источникам фактов о представленной здесь казни стрельцов (1698), о которых сам Фассман умалчивает в духе характерного для барокко *ars dissimulandi*. Во фронтисписе к 85-му энтревью секретарь, приносящий вести из мира живых, и портрет Екатерины I подчеркивают связь прошлого и настоящего, истории и политики. А иллюстрация к последнему диалогу из серии возвращает к теме прославления Петра.

Ключевые слова

Давид Фассман, “Разговоры в царстве мертвых”, Петр Великий, Иван Грозный, репрезентация монарха, слово и изображение, иллюстрация, гравюра, изобразительное искусство XVIII века, *ars dissimulandi*, эмблематика, Просвещение, немецкая литература

Abstract

The journal created by David Fassmann (1683–1744), *Gespräche in dem Reiche derer Todten*, edited in Leipzig, was a huge success. Each of the 240 issues presents a dialogue between two historical figures from the afterworld. In the 83rd–86th *Entrevuë*, the interlocutors are Peter the Great and Ivan the Terrible. The texts of the four conversations were thoroughly examined by Eckhard Matthes (1987). The present paper explores how the illustrations to the 83rd–86th *Entrevuë* visualize the texts, which is significant as they were an important instrument for disseminating certain notions about Russia. While the illustration to the first dialogue of the suite juxtaposes Peter and Ivan, the illustration to the second one emphasizes the similarities between them. So the image of the “tyrant” and “barbarian” Ivan becomes a reference point with which a reader is urged to compare Peter’s deeds, seeing not only the differences but also the similarities. This greatly contributes to the creation of the multifaceted image of Russia of the early 18th century. The characters of the second illustration—a tiger and an executioner—can be identified as Ivan and Peter only if the reader takes into

consideration an epigram to the illustration, the illustration to the previous dialogue, the text of the next *Entrevuë*, and facts about the execution of the *strel'tsy* known from other texts and images, about which Fassmann remains silent in the spirit of *ars dissimulandi*, which was typical for baroque culture. In the frontispiece to the 85th *Entrevuë*, a secretary bringing news from the world of the living and a portrait of Catherine I emphasize the connection of the past and the present, i.e., history and policy. Finally, the illustration to the last dialogue of the series returns to the glorification of Peter the Great declared in the first dialogue.

Keywords

David Fassmann, *Dialogues of the Dead*, Peter the Great, Ivan the Terrible, representation of the monarch, text and image, illustration, engraving, 18th century fine arts, *ars dissimulandi*, emblem, Enlightenment, German literature

“Разговоры в царстве мертвых” (“*Gespräche in dem Reiche derer Todten*”) – раннепросветительский журнал, издававшийся в Лейпциге с 1718 по 1740 г. Каждый выпуск построен в форме беседы в загробном мире исторических личностей, которые встречаются, чтобы поведать друг другу историю своей жизни и обсудить политические, моральные или философские вопросы. В конце “Разговора. . .” сообщаются последние новости, которые в царство теней из мира живых приносит особый персонаж – Секретарь.

Автор “Разговоров. . .” Давид Фассман (1683–1744) – создатель целого ряда периодических изданий, таких как “*Der reisende Chineser*” (1721–1733), “*Sonderbare Nationen Gespräche*” (1727–1733), “*Staatsmann*” (1731–1739) и прочих². Прежде чем обратиться к журналистике, он испытал себя на военном поприще, затем в роли секретаря, учителя словесности, переводчика, придворного историографа. Его становлению как публициста, безусловно, способствовали как этот опыт, так и обучение в гимназии в Ансбахе, университетах Байройта, Утрехта, Оксфорда, Галле (хотя и недолгое, прерывавшееся в силу разных обстоятельств); а также многочисленные путешествия по Европе и пережитые приключения. По верному замечанию Р. Минцлова, “при очень замечательном

² См. издания: *Der auf Ordre und Kosten seines Kaysers, reisende Chineser: was er, Von dem Zustand und denen Begebenheiten der Welt, insonderheit aber derer Europäischen Lande, dem Beherrscher des Chinesischen Reichs vor Bericht erstattet. Nebst etlichen sonderbaren Nachrichten, Bestehende: [. . .] Leipzig, 1721–1733; Nationen=Gespräche, Oder Curieuse Discourse Über die Jetzigen Conjecturen und wichtigsten Begebenheiten [. . .]. Berlin, 1727–1733; Der mit Historischen Politischen und andern importanten Sachen beschäftigte Staats=Mann, oder Gründliche Erzählung Alles dessen, was von Höfen grosser Potentaten [. . .] geschrieben wird, oder sich sonst in der Welt ereig=net und zuträget. Mit darüber beygefüigten Vernüfftigen und gründlichen Raisonnemens. Leipzig, 1731–1739.*

природном уме и огромной начитанности, изучив, сверх того, во время своих странствований и походов, все требования современного общества и самое сие общество во всех его слоях, Фасман, на новом поле своей деятельности, явился с первой минуты совершенным мастером дела” [Минцлов 1856: 385].

“Разговоры. . .” Фассмана наследуют традиции античных “Разговоров в царстве мертвых” Лукиана Самосатского (около 120 — после 180 гг. н. э.), а также сочинений Бернара де Фонтенеля (1657–1757) и Франсуа Фенелона (1651–1715) — главных представителей в литературе Нового времени этого жанра, вновь обретшего распространение в Западной Европе начиная с эпохи Возрождения. Фасман ограничивал число главных действующих лиц двумя, что ориентирует читателя на их сопоставление, — в этом сказалось влияние “Параллельных жизнеописаний” Плутарха. Наконец, идею представить свое сочинение в виде периодического издания Фасман заимствовал у своего университетского наставника в Галле Христиана Томазия (1655–1728), создавшего первый регулярный пользовавшийся успехом немецкоязычный журнал “Monatsgespräche” (1688–1690) [DREYFÜRST 2014: 3, 126–133]. Позиционируя “Разговоры в царстве мертвых” перед читателями как средство обрести по меньшей мере “видимость учености”, Фасман стремился привлечь широкую аудиторию и преуспел в этом: постоянный спрос позволил издать 240 диалогов. Автор использовал для обозначения номера журнала специальный, ныне устаревший термин “Entrevuë”, которым подчеркивался диалогический характер изложения, придающий повествованию занимательность и особую убедительность. Тиражи в некоторых случаях доходили до 15 000 экземпляров. Это было одно из самых читаемых немецкоязычных изданий XVIII века. Его популярность позволила Фасману существовать в качестве независимого журналиста, что для той эпохи было редкостью. Большой успех “Разговоров в царстве мертвых” был отчасти обусловлен ранее распространившейся модой на них во Франции. Впоследствии на протяжении XVIII века в немецкой литературе было создано более 500 подобных сочинений. Важным следствием интереса к ним стало возрождение в ней жанра диалога вообще в разных его формах [ВАУМВАСН 2002: 75–81]. С другой стороны, “Разговоры. . .” Фассмана положили начало целому направлению в немецкой исторической журналистике, а именно, по определению Р. Е. Прутца, “повествовательным журналам” (“erzählende Journalen”). При этом ни одно издание этого рода не могло сравниться с ними по влиянию [PRUTZ 1845: 397].

Журнал Фассмана давно привлек внимание исследователей. В XIX веке он получил освещение в работе по истории немецкой журналистики

Р. Е. Прутца [PRUTZ 1845: 397–406], а также упоминался в трудах К. Ф. А. Гудена и Ф. Ферстера [GUDEN 1831: 60–61; FÖRSTER 1834: 272–275]. В конце XIX и на протяжении XX столетий ученые обращались к “Разговорам” Фассмана как в контексте изучения его творчества [LINDENBERG 1937; KRAUZE 2001], так и в связи с историей жанра “разговоров в царстве мертвых” в немецкой и в целом европейской литературе [RENTSCH 1895; RUTLEDGE 1974; BAUMBACH 2002]. Отдельные вопросы, например, отражение в журнале медицинских и ориентальных сюжетов, стали предметом специальных исследований [ЕСКНАРТ 1987; FRANKE 2005]. Однако первая фундаментальная работа, где целенаправленно и детально исследуется издание Фассмана, появилась лишь недавно; она принадлежит перу С. Драйфюрст [DREYFÜRST 2014]. В этом труде рассмотрены особенности трансформации жанра “Разговоров. . .” у Фассмана по отношению к предшествующим образцам и современному литературному контексту, изучена проблема трактовки категорий “свой” и “чужой”, а также заложены методологические основы для дальнейшего изучения диалогов, которое представляется необходимым в силу внушительного объема издания Фассмана и необычайного разнообразия привлекаемого в нем исторического материала.

В “Разговорах. . .” присутствует тема России. Один или оба заглавных героя представляют ее в 11 из 240 диалогов: это Иван Грозный [FASSMANN 1725-83, 1725-84 1725-85, 1725-86], Петр Великий [IBID.; FASSMAN 1728], Екатерина I [IDEM 1729], Анна Иоанновна [IDEM 1741-1; IDEM 1741-2], Петр II [FASSMANN 1732-1, 1732-2], царевич Алексей Петрович [IBID.], А. Д. Меншиков [IDEM 1730], В. В. Голицын [IDEM 1737], К. фон Гохмут [IBID.]. В российской историографии первым на эти издания указал Р. Минцлов, опиравшийся в своей характеристике на Прутца. Об историческом значении и литературных особенностях “Разговоров. . .” Минцлов отозвался весьма нелестно:

При настоящем взгляде на науку и литературу эта популяризованная довольно пошлым образом история, сколоченная большей частью из газетных статей, с прикрасами “высокого слога” и иногда самых нелепых аллегорий и картин, представляется, конечно, верхом безвкусыя; но в то время все сие совершенно соответствовало духу и потребности эпохи и нисколько не удивительно, что Фассман сделался любимцем публики [Минцлов 1856: 386].

Однако он прибавил, что

из числа этих странных произведений [. . .] многие получают особое значение как отпечаток современных взглядов и отголосок тогдашних мнений [. . .] и все вообще — как материал для истории литературы, чуждой нам, правда, по происхождению и языку, но *своей* по содержанию, имевшему постоянным предметом Россию и русского царя [Минцлов 1856: 347].

Несмотря на ценность “Разговоров. . .” как историко-литературного и художественного источника, краткое описание Минцлова оставалось единственным упоминанием о них в отечественной научной литературе, как дореволюционной, так и советской. В этом отношении журнал Фассмана разделяет судьбу в российской историографии жанра “разговоров в царстве мертвых” в целом. По сей день единственным обобщающим исследованием о его бытовании в России остается книга итальянского литературоведа Н. Марчалис, до сих пор не переведенная на русский язык [MARCIALIS 1989], а специального внимания удостоивались лишь отдельные образцы. В последнее время интерес к этому жанру в российской науке постепенно возрастает (см., например, [ИСАЧЕНКО 2014]). Однако изданные Фассманом диалоги пока не удостоились комплексного источниковедческого и литературоведческого анализа. Так, в диссертации Е. В. ЕРМАСОВА [2000: 41–43], посвященной теме, для которой они составляют важнейший материал, — образу Петра I и России в немецкой публицистике первой четверти XVIII века, — факты и сведения, приводимые Фассманом, привлекаются, но само его сочинение получает лишь очень сжатую характеристику, не привносящую новых оценок и подходов. Между тем эти диалоги, что отмечено еще Минцловым, представляют несомненный интерес как источники, свидетельствующие об особенностях восприятия России в Западной Европе в первой половине XVIII века. Однако они не только отражали бытовавшие представления о России, но и являлись важным инструментом распространения таких представлений. И потому художественные средства Фассмана, при помощи которых он внедрял свои идеи, заслуживают особого внимания.

В четырех “Разговорах. . .”, составляющих серию, собеседниками выступают Петр Великий и Иван Грозный (83–86 энтревью) [FASSMANN 1725-83, 1725-84, 1725-85, 1725-86]³. Количество диалогов с этими персонажами свидетельствует о большом интересе к теме⁴. Убедительный анализ этих диалогов был предложен Э. Маттесом [MATTHES 1987]. Однако исследователь сосредоточивается исключительно на тексте, оставляя в стороне иллюстрации. Тем не менее гравированные фронтисписы этого периодического издания заслуживают особого внимания.

³ В заглавии Иван Грозный назван Иван Васильевич II, см.: [СКВОРЦОВА 2015: 504–505].

⁴ Единственная серия, которая превзошла эту по количеству вошедших в нее диалогов, посвящена Евгению Савойскому и Филиберу де Грамону (пять энтревью: 212–216). В остальные входит три (8 из 240 энтревью), чаще два (51 из 240 энтревью) “Разговора”. Обычно персонажи встречаются лишь в одном диалоге (105 из 240 энтревью). Полный список 240 “Разговоров” см.: [DREYFÜRST 2014: 565–588].

В журнале Фассмана гравированный фронтиспис предпослан каждому диалогу. В большинстве случаев (в том числе и на фронтисписах к 83–86 энтрею) ни рисовальщик, ни гравер не указаны⁵. Обычно на гравюрах представлены заглавные герои диалога на фоне городского пейзажа или идеализированного ландшафта. В оформлении разворота, как справедливо указывает Драйфюрст, очевидна ориентация на барочную эмблематическую традицию, построенную на игре трех элементов — *picture* (изображение), *inscriptio* (девиз) и *subscriptio* (сопровождающая эпиграмма). Однако изображение, в эмблематике весьма лаконичное, здесь в духе новых тенденций тяготеет к пространной иллюстративности, а девиз, обычно краткий, становится столь обстоятельным, что занимает всю правую страницу разворота [DREYFÜRST 2014: 241–243].

С. Драйфюрст были обозначены основные направления необходимых изысканий — выявление иконографических источников и сведений об их циркуляции в Лейпциге, анализ возможных новаций, привнесенных создателями иллюстраций при использовании образцов. Последнее направление исследований до сих пор остается не реализованным не только по отношению к диалогам с участием героев российской истории, но и к “Разговорам. . .” Фассмана вообще. Иллюстрации к первым были введены в научный оборот еще в конце XIX века Д. А. Ровинским, который привел их краткие описания и помещенные под ними стихи⁶. Единственная попытка выявить иконографические источники и определить взаимосвязи иллюстраций с текстом Фассмана и идеями эпохи была предпринята на материале диалогов, где в качестве персонажей выступают российские императрицы — Екатерина I и Анна Иоанновна [Скворцова 2015; SKVORTCOVA 2016]. Ранее вопрос об иконографических источниках фронтисписов к другим диалогам исследователи затрагивали лишь вскользь на отдельных примерах [DREYFÜRST 2014: 248–251; FRANKE 2005: 774–775].

Фронтисписы к “Разговорам. . .” Петра и Ивана, построенные в своей основе на тех же принципах, должны стать предметом особого рассмотрения. Если Екатерине I и Анне Иоанновне Фасман избрал в собеседники правительниц других государств, то здесь оба персонажа относятся к истории России, к разным ее эпохам. К тому же “Разговоры. . .”

⁵ Фасман, будучи автором, с большой вероятностью мог влиять на программу иллюстраций. В начале 1 энтрею он даже приводит разъяснение изображения на фронтисписе [DREYFÜRST 2014: 236–237].

⁶ Портреты Ивана Грозного [Ровинский 1887, 2: 1026 по. 77, 78, 79], Петра I [ИДЕМ 1888, 3: 1723–1724 по. 657, 658, 659, 660], Екатерины I [ИДЕМ 1887, 2: 762 по. 104], Петра II [ИДЕМ 1888, 3: 1759–1760 по. 42], Анны Иоанновны [ИДЕМ 1886, 1: 320 по. 118, 119], царевича Алексея Петровича [ИВН.: 286 по. 33], А. Д. Меншикова [ИДЕМ 1887, 2: 1277 по. 35], аллегорическая композиция, знаменующая скорбь России по почившему Петру II [ИДЕМ 1888, 3: 1759–1760 по. 42].

Петра и Ивана составляют целую серию с продуманной композицией (см. Илл. 1-4). Наконец, изображенная на одном из фронтисписов сцена казни разительно отличает их от прочих диалогов с российскими персонажами, обнаруживая причастность особому кругу идей. Иллюстрации к диалогам Петра и Ивана не только визуализируют содержание, но и обогащают его новыми нюансами, и подчас, на первый взгляд, не вполне соответствуют заданным в тексте оценкам. Это позволяет поставить принципиально новый вопрос — о характере взаимодействия текста и изображения в рамках серии из четырех диалогов. Ответ на него и является целью настоящей статьи⁷.

Следует оговориться, что в поставленные задачи не входит внутренняя критика источника, установление достоверности заключенной в нем информации. Они ограничиваются внешней критикой, которая в данном случае сводится прежде всего к интерпретации иллюстраций в их взаимосвязи с текстом и выявлению идей, которые стремился внушить читателю автор. Ввиду ряда обстоятельств (соображений предосторожности, стремления заинтриговать читателя, представить идеи более доказательными, влияния эмблематической традиции и др.) Фассман предпочитает прямым декларациям окольные пути, отдавая дань приемам эпохи барокко. Поэтому анализ частного вопроса — взаимоотношений слова и изображения — приобретает значение для более широкой проблематики, а именно — прояснения представлений о России, бытовавших и распространявшихся в конце первой четверти XVIII века при помощи популярного лейпцигского издания.

83 энтревью, первый "Разговор. . ." из серии бесед Петра Великого и Ивана Грозного, открывает фронтиспис, имеющий программный характер (см. Илл. 1). В нем визуально воплощены три важнейшие идеи. Он знаменует недавнюю кончину Петра, прославляет его деяния и зримо формулирует противопоставление Петра и Ивана как персонификаций двух этапов в развитии России. За Петром, облаченным в латы и горностаевую мантию, стоит смерть в виде скелета, которая произносит: "Ich freß all Menschen Kind wie ich sie find, doch find die Grösstesste allerbesten" ("Я пожираю всех отпрысков рода человеческого, каких найду, но самые большие из них — самые лучшие")⁸. Трон правителя окружают Марс, Нептун, Минерва, Аполлон и Меркурий, оплакивающие его смерть. Фассман не ограничивается сопутствующим четверостишием, в

⁷ Кроме того, анализ этих иллюстраций развивает проблему сопоставления Ивана IV и Петра I, поднятую А. М. Панченко и Б. А. Успенским, непосредственно на материале начала XVIII века. См.: [Панченко и Успенский 1983].

⁸ Здесь и далее перевод сделан автором статьи. Автор благодарит за консультации д-ра Т. Плата (Университет Грайфсвальда).

котором изливает скорбь о почившем великом монархе⁹, но и во вступлении перечисляет всех представленных на гравюре богов — “друзей Петра” [FASSMAN 1725-83: 163]. Они входили в традиционный пантеон монарших добродетелей. Напрашивается параллель: в элегии В. К. Тредиаковского по случаю смерти Петра предстают они же (только место Аполлона и Меркурия заняла Политика): “Се бегут: Паллада, Марс, Нептун, Политика, // Убоявшеся громка Вселенная крика” (“Элегия о смерти Петра Великого”, 1725) [ТРЕДИАКОВСКИЙ 1963: 57]. В разъяснении эти аллегории не нуждались. Фассман называет их в тексте, дублируя смысл изображения, единственно с целью вывести одическую тему на первый план. Напротив Петра на троне восседает Иван в обшитом мехом кафтане, с горлатной шапкой на голове¹⁰. Контраст их одеяний — европейского у Петра и традиционно-русского у Ивана — служит визуальным противопоставлением старой (для Фассмана это значит отсталой, варварской) и новой (просвещенной) России.

Публикация 83 энтревью вызвала большое неудовольствие Екатерины I. Однако отнюдь не потому, что в нем живописуются ужасы правления Ивана Грозного (“противовес” в виде описания реформ Петра будет дан лишь в последующих диалогах), а русские названы “настоящими варварами, хуже турок и татар” (в таком состоянии, по Фассману, они пребывали потому, что их правители нарушали “естественное право” и “право народа”) [FASSMAN 1725-83: 214]. Более чувствительными для императрицы оказались нюансы, касающиеся непосредственно ее жизни. Саксонские цензурные ведомства изъяли этот диалог из продажи [ДРЕУФҮРСТ 2014: 163]. Автор из предосторожности покинул Лейпциг и скрывался у родственников в сельской местности, а затем и вовсе переехал в Прагу.

⁹ Der heut, dem Ansehen nach, der höchsten Ceder gleichet,
Liegt morgen starr und todt, in einer finstern Grufft,
Die Kaiser-Blum verwelckt, so leicht als Veil verbleichet,
Und Hoheit in der Welt ist Schatten-gleiche-Lufft.
(Тот, кто походил на величайший кедр, // Будет завтра лежать мертвым и жестким в темном склепе, // Цвет императора увял, столь же легко, как выцветает фиалка, // И величие в мире - это тень, подобная воздуху).

¹⁰ Горлатная шапка была предметом повседневного царского костюма [САВВАИТОВ 1865: 570–571]. В гардеробе Петра в селе Преображенском был лишь один русский наряд с “шапкой горлатной заячей черной” [УСТРЯЛОВ, 1: 200]. Тем не менее существуют европейские портретные гравюры, в которых он изображен именно в таком головном уборе: гравюра И. Л. Хонинга (конец XVII в., Гос. Эрмитаж) [ВАСИЛЬЕВ 1966: 82], гравюра из Городской библиотеки Трира (Городская библиотека Трира [TRIPOTA]), гравюра из Австрийской Национальной библиотеки (PORT_00033437_01) [DIGITALER PORTRAITINDEX]. Из этого можно заключить, что горлатная шапка воспринималась на рубеже XVII–XVIII веков как традиционный элемент царского костюма и ее выбор в качестве головного убора царя, представляющего “старую Россию”, вполне естественен.

Дошедшие до наших дней экземпляры сохранили следы переработки текста с целью сделать возможным его дальнейшее распространение. Главное отличие новых экземпляров заключается в том, что за 160-й страницей следует страница с любопытным номером "161–179", а за ней — 180-я. На этот факт обратил внимание Р. Минцлов [1856: 386–387]. Он выявил в собрании Императорской публичной библиотеки (ныне Российская Национальная библиотека в С.-Петербурге) три издания "Разговора. . .", имеющие помимо указанного и другие, менее значительные отличия; описал наиболее заметные из них и верно определил первоначальный вариант и перепечатки. Он указывал, какой текст был изначально помещен на таинственных страницах 161–179 — "биография Екатерины I и изложение порядка престолонаследия после Петра Великого". Минцлов отмечает, что, хотя на странице под номером 161–179 Иван сразу же переходит к рассказу о себе, логика изложения не нарушается и, как констатировал историк, пропуск этот "не случайный, а преднамеренный". Однако вскользь оброненный вопрос — "С какою целью?" — Минцлов оставляет без ответа и не связывает купюру с недовольством с российской стороны, о котором ему, по-видимому, не было известно [ibid.: 386–387]. Н. Марчалис обнаруживает прямую зависимость этих фактов [MARČALIŠ 1989: 57], однако не уточняет, что именно пришлось не по вкусу при российском дворе. Эти подробности представляют интерес.

В коллекции Россики Российской Национальной библиотеки имеется первоначальный экземпляр (13.13.5.31), а также два экземпляра, вышедшие после цензурной правки (13.8.4.62; 13.8.4.70). В исходном варианте на страницах 169–177 говорится о происхождении Екатерины (она названа дочерью знатного лифляндца и его подданной, с. 169). Затем помещен двусмысленный разговор, в котором Петр пытается убедить Ивана в том, что Екатерина в первом замужестве не утратила девственность, хотя состояла в нем целый год (с. 170–171). Завершается этот фрагмент пассажем, в котором Иван обстоятельно перечисляет все причины, почему некоторые могут не захотеть признать Екатерину законной правительницей, заверяя, впрочем, что он, конечно, считает ее таковой. И Петру приходится признаться, что он озадачен его словами (с. 175).

В появившихся позже экземплярах (13.8.4.62; 13.8.4.70) эта часть текста отсутствует. От первоначального их отличает также название, в котором опущено упоминание об истории Екатерины¹¹. Кроме того, в

¹¹ В первоначальном варианте за поименованием героев диалога следовало пояснение: "worinnen die Ankunft des Erstern in dem Reiche derer Todten, wie auch verschiedene sonderbare Nachrichten von seiner hinterlassenen Gemahlin, und dann die entsetzliche Historie des Letztern, welche nicht ohne Erstaunen kan gelesen werden, ingleichen mancherley wichtige Discourse, enthalten" ("в котором

самом первом варианте имеется весьма пространное вступление. Оно было разбито на две части. В первой упоминаются три встречи автора с Петром. О последней, в Карлсбаде, в действительности столь же мало-значительной, что и две другие, рассказывается подробно. При этом Петр предстает не в ореоле величия, а в бытовой обстановке, когда, оказавшись без свиты, он воспользовался услугами Фассмана как сопровождающего и расспрашивал его о значении общеизвестных латинских слов (*Redemptor*) (с. 158–160). Во второй части, наравне с завязкой сюжета, приведено уже упоминавшееся описание фронтисписа с перечислением персонификаций добродетелей Петра, которое усиливает панегирическую тему (с. 163). Очевидно, таким образом Фасман играет на контрасте, то возвышая, то намеренно принижая образ Петра. В одном из последующих экземпляров отсутствует весь этот отрывок (13.8.4.70). А в другом опущен только рассказ о встрече Фассмана с императором, тогда как панегирический фрагмент перенесен в конец (13.8.4.62, с. 230–233). В этом экземпляре (13.8.4.62), как и в первоначальном, в конце диалога в царство мертвых прибывает секретарь, приносящий вести о добром правлении Екатерины (с. 222–233). В экземпляре под шифром 13.8.4.70 и этот фрагмент исключен. Таким образом, это наиболее сокращенный вариант, из которого удалены все фрагменты, связанные с Екатериной, а также панегирический отрывок в честь Петра. Последнее изменение невозможно объяснить предосторожностью. Вероятно, оно было предпринято, чтобы сохранить равновесие: поскольку пропущены сомнительные подробности, опущена и хвалебная часть.

Как первоначальный, так и последующие экземпляры открывает страница 157 (была продолжена нумерация предыдущего выпуска этого же года). Исключено в вариантах, появившихся после цензурных неприятностей, в действительности 8 страниц (а не 18, как следует из обозначения номера страницы “161–179”), но из-за несовпадений в начале исходного и последующих экземпляров уничтоженные листы замещает страница не с номером 169–177, а с номером 161–179. Это вызвано желанием сохранить тот же номер открывающей страницы и дальнейшую сквозную нумерацию выпусков.

содержится рассказ о прибытии первого [Петра. — *Е. С.*] в царство мертвых, а также различные курьезные известия о его оставшейся [в мире живых — *Е. С.*] супруге, а затем ужасающую историю последнего [Ивана. — *Е. С.*], которую невозможно читать без изумления, и прочие важные рассуждения”). В новом варианте формулировка обрела такой вид: “*Worinnen die Historie des Letztern, so nicht ohne Erstaunen gelesen werden, ingleichen viele Erzehlungen, von des erstern grossen und berühmten Thaten, nebst ausführlichen Nachrichten von der Religion derer Moscowiter enthalten*” (“в котором содержится история последнего, которую невозможно читать без изумления, а также рассказ о великих и славных деяниях первого и подробные сведения о религии москвитов”).

Когда Фассман почувствовал, что находится вне опасности, он отправился в Берлин. Там российский посол граф А. Г. Головкин сообщил ему, что “российская императрица в своей великой щедрости не отдавала приказ подать иск против него при дворе королевства Польши и курфюршества Саксонии” [МАРСИАЛИС 1989: 57–58]. Зато в качестве ответной меры при российском дворе было инициировано издание “Разговора между трех приятелей, сошедшихся в одном городе, а именно: Менарда, Таландра и Варемунда” [Р.Р.В. 1841; МАРСИАЛИС 1989: 57–60]¹², опровергающего “злобные клеветы”, “пашквили и басни” [ИВІД.: 347] о России и российских государях сразу трех европейских авторов — несостоявшегося воспитателя царевича Алексея М. фон Нойгебауера, секретаря посольства Священной Римской империи в России И. Г. Корба и Фассмана¹³. Так серия диалогов Фассмана оказалась приравненной к самым одиозным антироссийским сочинениям первой четверти XVIII столетия.

Фронтиспис к следующему разговору (84 энтрею) — одна из самых ярких иллюстраций к диалогам Фассмана, несомненно отвечающая потребности публики в скандальных сенсациях. Изображена кровавая расправа тирана со своими подданными. Жестокий правитель представлен в образе тигра¹⁴, хищно вознесшего когтистые лапы и торжествующе созерцающего сцену массовой казни. Монарха в нем изобличает подбитая горностаем мантия. То, что это именно Иван Грозный, понятно по горлатной шапке — точно такой же, что венчала царя на фронтисписе к предыдущему “Разговору”. Даже и без какого-либо комментария легко поддающаяся истолкованию изобразительная метафора получает словесное разъяснение в сопровождающем иллюстрацию четверостишии:

In alten Zeiten stack, offt unter Hermelinen
Ein Tyger, welches Blut, wie Wasser in sich soff.
Aus viel Exempeln mich nur eines zu bedienen;
War nicht Basilowitz recht von dergleichen Stoff?

“В давние времена под горностаями [под королевской мантией, обитой горностаями. — Е. С.] мог часто скрываться тигр, лакающий кровь, как воду. Из многих примеров я обращусь лишь к одному: разве не принадлежал Васильевич как раз к такому роду?” [перевод мой. — Е. С.].

¹² Год первой публикации неизвестен.

¹³ Однако имя его остается неназванным: “а именно я разумею то о некотором ауторе, который уже несколько таких книжечек выдал, образом будто разговоров меж собою некоторых умерших государей в государстве мертвых наречено” [Р.Р.В. 1841: 347]. В случае с Фассманом оспариваются именно сведения о происхождении Екатерины [ИВІД.: 347–352].

¹⁴ По окрасу шкуры его скорее можно было бы принять за леопарда, но в сопутствующем четверостишии речь идет именно о тигре.

Э. Маттес видел в этом изображении предвестие карикатур, которые получают распространение в XIX веке, и трактовал его как художественное явление, опередившее свое время. С. Драйфюрст оспаривает это суждение, указывая на существовавшую в литературе задолго до Фассмана традицию уподобления врага или жестокого правителя зверю за его “бесчеловечные”, читай: “зверские” качества [DREUFÜRST 2014: 514]. Фассман наследует это уподобление. Некоторых правителей (не только Ивана Грозного, но и, например, марокканского султана Мулая Исмаила ибн Шарифа) Фассман наделяет поистине демоническими чертами. Это позволило Драйфюрст охарактеризовать его сочинение как “раннепросветительскую версию средневековых бестиариев” [ibid.: 519]. Согласно интерпретации исследовательницы, средневековые сказания о населяющих дальние страны монструозных существах у Фассмана сменяются описаниями людей-“монстров”, физическое уродство которых отражает их предосудительные моральные качества. С тиграми Фассман нередко сравнивает дурных восточных правителей, как мужчин, так и женщин (“reissende Tygerthiere”) [ibid.: 548]. Однако развернутое на изобразительном уровне в качестве реализованной метафоры уподобление правителя зверю — Ивана IV тигру — стоит в “Разговорах. . .” Фассмана особняком.

Уподобление правителя-злодея тигру или иным свирепым хищникам из семейства кошачьих — льву и леопарду — весьма распространенный в европейской литературе топос. Ввиду этого ограничусь указанием лишь двух примеров его использования, относящихся к немецкой традиции и близких по времени создания диалогам Фассмана, а потому, вероятно, ему известных. Соположение тирана и тигра встречается в изданном во Франкфурте в 1715 г. поэтическом лексиконе И. К. Мейнлинга [MÄNNLING 1715: 278–279] (второе издание: [ibid. 1719: 416]). Несколько дальше отстоит от диалогов Фассмана по времени создания второй пример — гравюра Абрахама Убри (Abraham Aubry, работал в 1650–1682 гг.) из серии “Монархии” под названием “Первая монархия, или Империя сирийцев и халдеев” (Музей герцога Антона-Ульриха, Брауншвейг, Aubry AB 3.43) [BILDINDEX]. Сопровождающий восточного властителя-тирана тигр становится своего рода атрибутом, который олицетворяет его жестокий необузданный нрав. Неправедного правителя поражает ангел. Под гравюрой приведены пояснительные стихи на немецком языке. Этот пример представляет особый интерес, поскольку здесь сравнение с тигром проведено как на словесном, так и на визуальном уровне.

Идентификация персонажей, изображенных на фронтисписе к 84 энтрею, при кажущейся очевидности отнюдь не столь однозначна. Кого следует видеть во втором персонаже — палаче, который с остервенением

рубит головы осужденных? Д. А. Ровинский трактует это изображение следующим образом: “Картинка, изображающая казнь стрельцов; Петр I сам рубит им топором головы; Иоанн Грозный в виде тигра смотрит на его работу; кругом колеса и виселицы” [Ровинский 1888, 3: 1723–1724]. Ученый не дает пояснений об основаниях для такой интерпретации. Действительно, она как будто бы самоочевидна. К такому пониманию располагает ее композиция и художественный строй предшествующих иллюстраций. Фигура вершителя казни, приближенная к переднему плану, воспринимается как равнозначная возвышающемуся над горами трупов тигру. В палаче угадывается не просто исполнитель чьей-то воли, но одно из главных действующих лиц. На иллюстрациях к другим “Разговорам” перед читателем обычно представляли два главных (точнее — заглавных) героя. И на этой гравюре, как и на предыдущей, где были изображены Петр и Иван, естественно ожидать увидеть их же. Если тигр — это Иван (а на это указывает как горлатная шапка, так и стихи под гравюрой), то неизбежно следует предположение, что палач — это Петр. Тем более иконография персонажа — усатого, с волевым подбородком и характерным разрезом глаз — не противоречит такому заключению. Однако и не служит однозначным тому подтверждением. А костюм его — простая рубаха — отвечает роли палача, но, в отличие от облачения тигра-Ивана, не содержит никаких намеков на то, что перед нами правитель России. Более того, в приведенном под гравюрой четверостишии как тиран охарактеризован лишь Иван, о Петре не говорится ни слова. Поэтому представляется необходимым поставить два вопроса: есть ли какие-либо весомые доказательства того, что в образе палача представлен именно Петр — и не была ли подобная двусмысленность изображения намеренной?

Представленная на фронтисписе сцена не соотносится с текстом 84 энтрею. Об ужасных злодеяниях и казнях, учиненных Иваном Грозным, речь шла в предыдущем, 83 диалоге. В этом — слово предоставлено в основном Петру, который рассказывает о проведенных им реформах церкви, а также об обретенном им титуле императора; Иван лишь изредка прерывает его вопросами. Изображение, хотя и не согласованное с текстом этого “Разговора. . .”, тем не менее носит программный характер, отражая ключевой аспект в характеристике Ивана — изуверскую жестокость. В 83 энтрею Иван описывает самые разнообразные способы казни, применявшиеся им, заставляя Петра в ужасе воскликнуть: “Liebster Gott!” [FASSMANN 1725-83: 182]. Однако именно тот “прием”, что изображен на гравюре, — когда приговоренные, выстроившись в ряд, укладывали головы на балки, а затем палач рубил их¹⁵, — им не

¹⁵ Упоминание этого способа казни см.: [КОРЬ 1867: 228–229].

упоминается. Зато описание такого способа казни присутствует в 85 энтревью, а именно в связи с казнью Петром стрельцов после подавления восстания 1698 года: “Von denen vorher erwehnten gefangenen Strelizen oder Soldaten aber, welche wirklich die Waffen wider mich gebraucht [. . .] wurden bei nahe 3000. hingerichtet, und zwar so, dass denen einen die Köpffe auf öffentlichen Marckt, und gelegten Balcken, zu denen sie Kuppelweise, allemal 20. bis 30. gefuhret wurden, herunter geschlagen. . .” (“Из тех прежде упомянутых стрельцов и солдат, однако, которые действительно употребили против меня оружие [. . .] около 3000 были казнены таким образом, что на публичном рынке их подводили по 20–30 человек к балкам и отрубали им головы”) [FASSMANN 1725-83: 340]. Помимо фронтисписа к “Разговору. . .” Фассмана, известны и другие изображения такого способа казни, хотя и без участия в ней Петра. В частности, предположительно к первой четверти XVIII века относят гравюру из Государственного Эрмитажа (Гравюра резцом; 15,0 × 27,2; ГЭ, ЭРГ-7821), которую сопровождает надпись на голландском языке “Justitie gedaan over de Rebellen binnen en buiten de Stad Muskou” (“Суд, свершаемый над мятежниками внутри и вне города Москвы”), где на первом плане представлены выстроившиеся в ряд склонившиеся стрельцы, одни с отрубленными головами, другие в ожидании рокового момента [Васильев 1966: 106] (см. Илл. 5). Другое подобное изображение – иллюстрация к “Дневнику” И. Г. Корба, секретаря посольства Священной Римской империи в России, которое возглавлял Игнатий Христофор фон Гвариент [Корв 1700]. Эти сопоставления подтверждают, что сцена на фронтисписе представляет именно казнь стрельцов.

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что изображенный на фронтисписе палач – не кто иной, как Петр I. В тексте “Разговора. . .” нет указаний на то, что он рубил стрельцам головы собственноручно. Однако создатель гравюры проецирует на правителя роль палача не метафорически, постольку-поскольку приговор исходил от него. В Европе бытовали известия о личном участии Петра в казнях. Об этом говорится в одном из использованных Фассманом источников, а именно в “Дневнике” И. Г. Корба [Маттнес 1987: 121; Корв 1700]¹⁶. Публикация этого сочинения вызвала серьезное дипломатическое напряжение. Ответ на вопрос, что именно стало причиной недовольства при российском дворе, не так прост, как может показаться на первый взгляд.

¹⁶ На русский язык “Дневник” был переведен сразу же [Михайловский 1895: 16]. Рукопись перевода хранится в Российской Национальной библиотеке (Ф. 550. (ОСРК). F.IV. № 321). Л. Н. Майков полагал, что он был выполнен единолично Николаем Спафарием, имя которого указано на титульном листе рукописи [Майков 1891: V]. Д. Г. Полонский выявил, что, согласно пометам на листах рукописи, в работе участвовали также переводчики Матвей Белецкий, Иван Тяжкогорский и Моисей Арсеньев [Полонский 2013: 236–237]. Полный перевод на русский был впервые издан в 1867 г. [Корв 1867].

Попытку ответить на него предпринимает М. Гриссе [GRIESSE 2013]. Исследователь полагает, что причиной с большой долей вероятности были изложенные в "Дневнике" факты о расправе со стрельцами. При этом казнь как максимально публичный ритуализированный "Theater des Schreckens" была заимствована Петром именно с Запада. Чуждым европейским обычаям могло показаться лишь непосредственное участие в ней царя¹⁷. Однако и этому, с точки зрения Гриссе, современники могли найти объяснение и оправдание в особом "усердии" Петра, с которым он стремился не только достичь равенства с Европой, но и превзойти ее, ради чего "не гнушался ни инструмента плотника, ни инструмента палача". Согласно выводу исследователя, возмущение российских властей, вероятнее всего, могли спровоцировать две сопровождавшие текст гравюры, на которых казнь была представлена со всеми натуралистическими подробностями [ibid.: 95, 97, 105]. Наряду с разными способами умерщвления, на одной из них изображен и тот самый, с массовым отрубанием голов на балках¹⁸ (см. Илл. 6). Распознать царя в ком-либо из палачей на гравюрах невозможно. Но сведения о том, что он собственной персоной показан в их рядах на одной из них, появились в современной печати. Их распространял впавший в немилость и покинувший Россию наставник царевича Алексей Петровича Мартин фон Нойгебауер в своем опусе о России "Vertrautes Schreiben. . ." (1705) [ibid.: 110–111]. Гриссе полагает, что столь обычное для европейской и непривычное для православной культуры натуралистичное изображение казни, да еще такой, в которой лично участвовал государь, в России могло послужить дополнительным стимулом к распространению слухов о Петре как об антихристе. Именно это и повлекло за собой неприятие книги при российском дворе и дипломатический скандал. Российской стороне не удалось добиться конфискации "Дневника", но все доступные на рынке экземпляры были раскуплены агентами Петра и преданы сожжению в Москве. В Вене, в силу разницы изобразительной традиции, как считает Гриссе, такая реакция на это сочинение осталась не вполне понятой. Однако столь многочисленные в XVII веке европейские рассказы о восстаниях в России с этого момента резко обрываются [ИДЕМ 2014: 124].

Некоторые положения, выдвигаемые Гриссе в качестве объяснения реакции на "Дневник" с российской стороны, имеют дискуссионный характер. Так, спорным представляется его главный вывод, согласно которому причиной недовольства стали прежде всего опасения, что натуралистические изображения казни, проникнув из Европы в Россию, могли взбудоражить общественное мнение. Во-первых, в России, где и

¹⁷ Опровержение сведений о личном участии царя в казни см.: [Голиков 1791: 246–247].

¹⁸ Иллюстрация между страницами 160–161.

была совершена массовая казнь, о ней и об участии в ней царя было и так известно. Во-вторых, хотя, по справедливому замечанию С. И. Николаева, протест действительно “вызвал не столько сам «Дневник» в целом, сколько подробное описание стрелецкого розыска [. . .] и последовавших затем казней стрельцов” [Николаев 1996: 46], в нем присутствует целый ряд других мотивов и сюжетов, которые не могли не вызвать раздражения при российском дворе¹⁹.

Наконец, негативно могли восприниматься не иллюстрации, но и собственно рассказ о расправе. Этого не исключает и сам Гриссе, объясняя сложность выявления причин дипломатического кризиса тем, что в России “Дневник” воспринимали как целое и не уточняли, что является неприемлемым — иллюстрации или же текст [GRISSE 2014: 113]). Строго говоря, этот факт может быть свидетельством как недостаточной ясности сведений в источниках, так и того, что негативно было воспринято и то, и другое. Доказательства предположения, что причиной негодования были именно иллюстрации, Гриссе приводит исключительно косвенные. С другой стороны, есть источники, свидетельствующие, что неудовольствие мог вызвать и текст. Например, в апологетическом “Разговоре между трех приятелей. . .”, который исследователь не привлекает, автор главным образом стремится оправдать жестокость казни, о которой можно было судить по тексту “Дневника”, даже если бы он не сопровождался иллюстрациями. Этой жестокости автор ищет оправдание, объясняя ее “злоковарством” стрельцов и их склонностью к бунтам, проявлявшейся и до правления Петра:

Понеже оные Стрельцы, не токмо сначала его государствования, как выше объявлено, но и еще при отце и брате Е. В. блаженные памяти, многие rebелии чинить дерзали. И тако на таких злых людей не возможно было инако, как чрезвычайно жестокой способ употребить, дабы у них впредь ту склонность к смутам и возмущениям пресечь и пролитую от них и единомышленников их кровь толь многих знатных господ отмстить [. . .] Что же принадлежит о многих притом описанных нескладных обстоятельствах, и то подлинно большая часть неправды и по страсти писаны, как и во всей той книге чинено, и малые богатели все к противности толкованы [Р. Р. В. 1841: 336–338].

Несмотря на отсылки Гриссе к европейской традиции публичных казней как элемента устрашения, очевидно, что Корб, несомненно осуждая стрельцов, их казнь описывает с явным сочувствием: “День этот омрачен казнью двухсот человек и во всяком случае должен быть признан скорбным” [КОРБ 1906: 123].

¹⁹ Об одном из них см.: [Николаев 1996: 46–51]. В дипломатической переписке “Дневник” характеризуется как “книга о состоянии и порядках Московского государства”, о Гвариенте сказано: “с приезде его нас учинили барбарами” [Устрялов 1858, 1: 328–329; иDEM 1863, 4/2: 211–212].

Так или иначе, "Дневник" Корба, как выявил Маттес, был использован Фасманом в качестве одного из источников сведений о России [МАТТЕС 1987: 121]. Иллюстрация к нему, где присутствует изображение массового отрубания голов, с большой вероятностью была известна создателю фронтисписа к сочинению Фасмана. И он, очевидно, рассчитывал, что столь характерный сюжет, даже будучи решенным иконографически несколько иначе, будет легко распознан читателем как расправа над стрельцами. При этом указание Нойгебауера, будто бы на одной из иллюстраций к "Дневнику" Корба (хотя и не на той, где изображена казнь на балках), Петр присутствует как палач, могло, наравне с письменными известиями об этом, послужить обоснованием для введения его в этой роли в композицию фронтисписа к изданию Фасмана.

Введение этого сюжета не только на текстовом, но именно на изобразительном уровне акцентировало на нем внимание. Причем он дан с особой нарочитостью: изображение пресловутой казни помещено на фронтисписе. Если иллюстрации к "Дневнику" Корба воспринимались как хладнокровное в своей обстоятельности повествование, то здесь гротескность гравюры исключает нейтральную оценку "театра страха" как обычного механизма поддержания авторитета власти. Характер изображения несомненно осуждающий²⁰. В связи с этим примечательно, что Фасман, успевший ранее столкнуться с проблемами в отношениях с российскими властями, несмотря на это вновь осмелился поднять на страницах своего журнала очень болезненный вопрос, уже бывший прежде камнем преткновения для дипломатов.

При этом Фасман, как и создатель иллюстрации, ловко балансирует на опасной грани. С одной стороны, в угоду публике он приправляет свое повествование рискованными подробностями и раззадоривает любопытство читателя, открывая его знакомство с очередным номером журнала скандальной картинкой. С другой стороны, смысл этой картинки как будто ускользает от однозначного толкования. Уверенно утверждать, что палач — это Петр, иконография оснований не дает, в сопровождающих стихах он вообще не упоминается, позволяющий идентифицировать персонажа способ казни описан не в этом, а в следующем интервью, причем о личном участии царя в казни умалчивается. Кажущаяся амбивалентность интерпретации, по-видимому, должна была

²⁰ При этом в последнем в этом цикле, 86 интервью, когда Петр рассказывает о пожаре во дворце (1689) и примененных к повинным стрельцам пытках, Иван сентенциозно замечает, что это может повредить репутации страны. Однако Петр отвечает, что в Европе пытки еще страшнее [FASSMAN 1725 86: 373–374]. То ли Фасман решил смягчить рассказ о жестокостях в России из предосторожности после неприятностей с 83 интервью, то ли хотел избежать тенденциозности. Однако проскользнувшее в тексте замечание имеет меньшую силу воздействия на читателя, чем изображение жесткой расправы, к тому же помещенное на фронтисписе.

послужить прикрытием для Фассмана в случае возникновения проблем с цензурой и одновременно поддразнить читателя, еще более усиливая его интерес. В этом приеме можно усмотреть наследие типичного для XVI и XVII вв. *ars dissimulandi* (“искусство сокрытия”). Эта “совокупность личностных поведенческих и институциональных практик” имела риторические корни и первоначально возникла как троп, как риторическая фигура, состоящая в “сокрытии собственного мнения”, но приобрела значение также как феномен религиозной (утаивание конфессиональных взглядов), экономической (секреты производственного мастерства) и политической (макиавеллизм) жизни [Иванова 2017]. Уже отходившая к концу первой четверти XVIII века в прошлое, такая модель мышления органично вписывается в раннепросветительский журнал Фассмана, представлявший собой, как убедительно показала С. Драйфюрст, сложный переходный организм, в котором консервативные представления вступали в противоречие с просветительскими убеждениями, протестантские взгляды — с католическими и православными, ученость — с педантичностью, старые немецкие обычаи — с новой французской модой, а морализаторство — с развлекательностью и пристрастием к скандальности [DREYFÜRST 2014: 408].

84 энтревью примечательно тем, что именно иллюстрация, сначала привлекающая внимание своей необычностью и примитивной выразительностью, затем провоцирует читателя к более глубокому осмыслению “Разговора. . .”. На уровне текста Фассман также стремится направить нас к верному пониманию заложенной в нем идеи. Он осуществляет это прежде всего при помощи коротких реплик собеседника, изредка перебивающих того, кто в данный момент рассказывает о своей жизни. Например, в 85 энтревью речь Петра прерывает замечание Ивана: “Was ich aber sonst noch bei eurer Reformation auszusetzen habe, ist dieses, dass ihr, so zu reden, alles auf einmal abschaffen wollen, und dabei mit allzugrosser Schärfe verfahren” [FASSMAN 1725-85: 309] (“Что бы я еще подверг критике в ваших реформах, так это то, что вы, так сказать, желали упразднить все сразу и притом действовали с очень большой резкостью”). Упрек в чрезмерной форсированности преобразований, вложенный Фассманом в уста Ивана, обнажает главное противоречие Петровской эпохи, которое и по сей день остается предметом горячих споров. Оценка деятельности Петра выводится из поля однозначности. При этом в отношении второго героя диалога Фассман, напротив, не обходится без упрощения. Иван изображен безусловно негативно. Несмотря на то, что в начале XVIII века в Германии предпринимались попытки дать его царствованию иные оценки, Фассман возрождает представления о нем, почерпнутые из сочинений П. Одерборна (впервые опубликовано в 1588 г.)

и П. Петрея (впервые — 1615 г.) [МАТТНЕС 1987: 121]. Как отмечает Драйфюрст, в стремлении Фассмана вынести бесспорный моральный вердикт чувствуется влияние "Разговоров в царстве мертвых" Фенелона [DREYFÜRST 2014: 113]. Однако упрощение касается лишь некоторых обстоятельств и характеров и одновременно служит утверждению в целом далеко не односложной картины. Маттес верно указывает, что для Фассмана важно не столько проследить развитие России с XVI по XVIII век, сколько представить Россию как страну острых противоречий, персонафицированных в фигурах Петра и Ивана [МАТТНЕС 1987: 124]. Отказ от борьбы противоположностей в образе Ивана не только не препятствует, но, напротив, способствует конструированию сложного образа современной России. Как антипример государя, он служит своего рода ориентиром, с которыми читатель сравнивает Петра и в отдельных аспектах оказывается вынужден констатировать не различие, а сходство. Этому служит и взаимодействие иллюстраций к 83-му интервью, где образы Петра и Ивана рядоположены по принципу противопоставления, и к 84-му, где они же даны по принципу подобия. Фассман не был художником и создателем иллюстраций. Однако он был автором текста и издателем "Разговоров. . ." и, с большой вероятностью, определял программу иллюстраций, поэтому идея этой тонкой игры принадлежала ему.

В героях иллюстрации к 85 интервью Ровинский также склонен видеть Петра и Ивана: "Иоанн Грозный встречает Петра I, идущего с тростью, в царстве мертвых. За Иоанном два боярина" [Ровинский 1888, 3: 1724] (см. Илл. 3). Однако иконография героев не имеет ничего общего с узнаваемыми образами, хорошо знакомыми читателю по двум предыдущим диалогам. Вероятно, персонаж с тростью — это секретарь, приносящий вести из мира живых, а группа персонажей — безымянные обитатели царства мертвых. Драйфюрст указывает, что секретарь играет в "Разговорах. . ." Фассмана весьма заметную роль [DREYFÜRST 2014: 185]. Он становится связующим звеном в структуре журнала, который был задуман не только как средство распространения верных знаний о древней, средневековой и новой истории, но имел и дидактическую функцию, должен был транслировать представления об искусстве правильного государственного управления, соединяя таким образом историю и политику [ИДЕМ: 164, 180, 193]. К событиям современности в иллюстрации адресует и портрет Екатерины, помещенный в медальоне, и приведенное под иллюстрацией четверостишие, которое предрекает России, укрепленной реформами Петра, стабильное будущее²¹. В самом

²¹ Moscau hat zwar bisher im schoensten flor gestanden
 Gleich einem Kaiserthum durch Petri Glanz u. Ehr.
 Jetzt gleicht es einem Schiff, das nimmer denckt zu stranden,
 Weil es sehr wohl beschuetzt schwebt mitten in dem Meer.

диалоге рассказ Петра о событиях его царствования перемежается с известиями о последних событиях — о похоронах императора и организованном Екатериной всеобщем трауре по нему, о смерти царевны Натальи Петровны, обсуждается и актуальный вопрос престолонаследия.

На фронтисписе к последнему энтревью из серии (86-му) две крылатые Славы возносят медальон с надписью “*Petrus Magnus*” (см. Илл. 4). Под ним девять муз и на первом плане — две фигуры, по-видимому, Аполлон²² и персонификация мира и изобилия. Под ними стихи:

Wie schön klingt doch der Nam des Vaterlandes Vater:
Petrus der Große war dergleichen in der That.
Er war des Landes Stütz, der Rußen bester Rather,
Gesegnet ist das Land, das einen Petrum hat.

(“Как красиво звучит имя “Отец Отечества” // Петр великий был таким в действительности. // Он был защитой страны, лучшим российским советчиком, // Благословенна страна, в которой правил Петр”.)

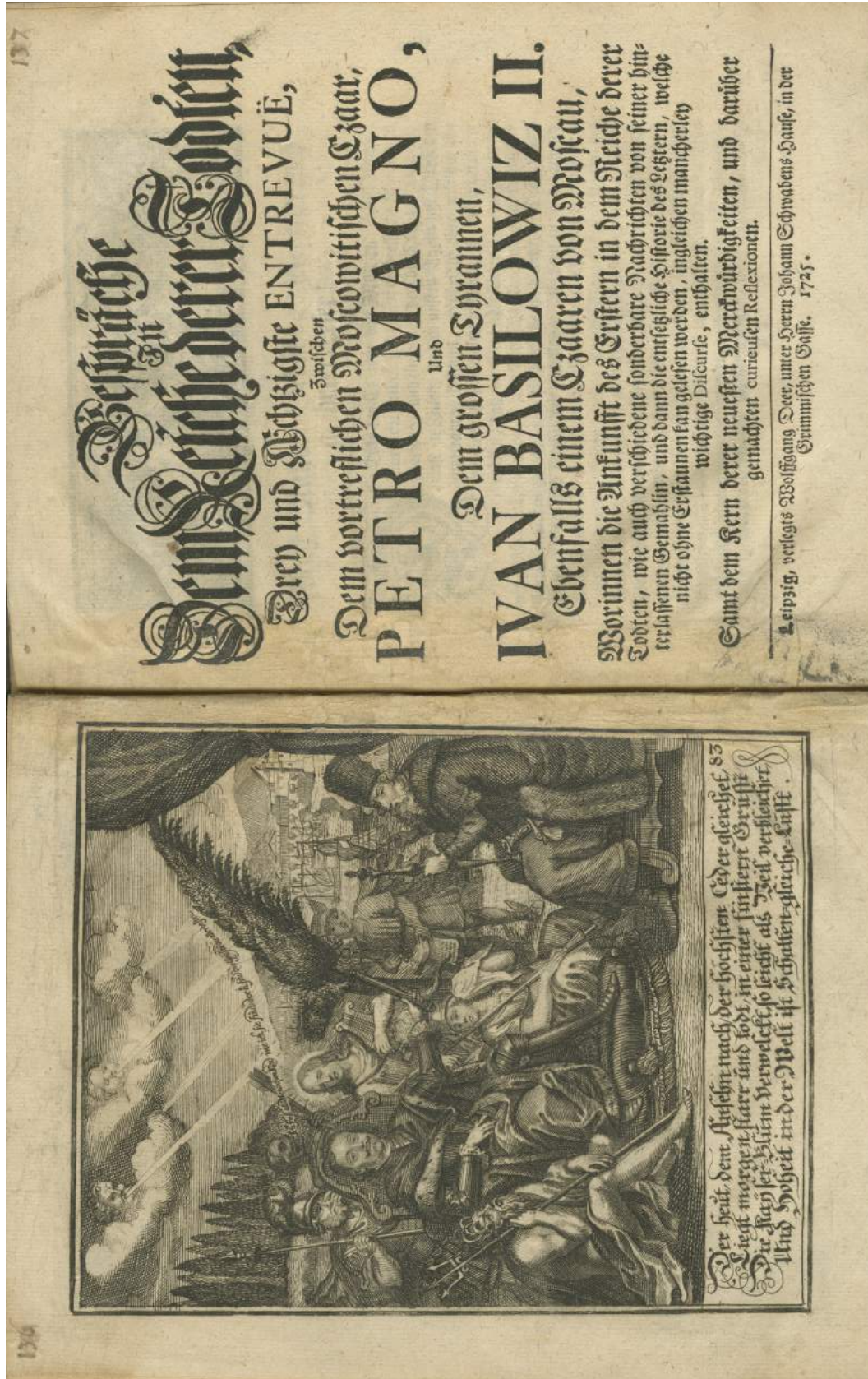
Гравюра соответствует тексту диалога, в котором значительное внимание уделено новому, императорскому титулу российского монарха, и одновременно служит завершающим аккордом, который возвращает нас к прославленной теме, заявленной в иллюстрации к первому “Разговору. . .” Петра и Иоанна.

С. Драйфюрст выделяет несколько вероятных причин, вследствие которых Фассман решил использовать в оформлении журнала иллюстрацию, что было сравнительно дорогим делом. Иллюстративный ряд должен был сделать журнал более привлекательным для покупателей, помочь читателю вообразить персонажей, а также места, события и обстоятельства, которые трудно описать словами, и наконец, будучи элементом “целостной визуально-текстовой формы эмблемы”, рисунки представляли интерпретации содержания, предваряя читательское восприятие или же, напротив, заставляя читателя мысленно вернуться к прочитанному [DREYFÜRST 2014: 241, 243]. В серии “Разговоров. . .” Петра Великого и Ивана Грозного последняя функция приобретает особое значение. Иллюстрация к 84 энтревью вступает в сложные взаимоотношения с фронтисписом к предшествующему энтревью и с текстом. Идентифицировать персонажей возможно только сопоставив стихи-эпиграмму

(“Москва до сих пор находилась в пышном расцвете, // Равно как и Империя в блеске и чести Петра. // Сейчас она подобна кораблю, который никогда не сядет на мель, // Поскольку скользит в море, будучи достаточно защищенным”.)

²² Рядом с музами логично ожидать увидеть именно Аполлона. Змея не входит в число его атрибутов. Но широко известны его образы в качестве победителя змея Пифона или Аполлона Врача, которые могли послужить основанием для того, чтобы изобразить его со змеей.

к изображению, иллюстрацию к предыдущему диалогу, текст следующего интервью и известные по другим текстовым и изобразительным источникам факты, о которых в тексте Фассман считал благоразумным умолчать. Иллюстрации к 83-му и 84-му интервью, где первая выполнена по принципу противопоставления, а вторая по принципу подобия, делают образ Ивана Грозного своеобразной точкой отсчета, с которой необходимо соотносить деяния Петра. В свое время А. М. Панченко и Б. А. Успенский убедительно показали, что основой репрессивной политики Ивана IV и его «охранительных предначертаний» была «попытка борьбы с историей», «попытка сохранить средневековое единство веры и культуры», тогда как реформатор России Петр, создававший новый государственный порядок, в борьбе за новизну в русской жизни принимал «на себя функции демиурга» [Панченко и Успенский 1983: 78]. Можно осторожно предположить, что Фассману, многократно обдумывавшему различные исторические сюжеты, в том числе российские, эта мысль была близка. Фактически Фассман, на словах признавая и превознося Петра в качестве реформатора, в опубликованных им изображениях массовой казни стрельцов давал европейскому читателю наглядное представление о цене этих реформ. Вне зависимости от направления преобразований, своей жестокостью царь-реформатор Петр мог бы вызывать изумление и восторг средневекового тирана Ивана — именно такое впечатление должно было оставлять взаимодействие текста и изображения при знакомстве с изданием Фассмана. Фронтиспис к 85-му интервью вносит разнообразие, подчеркивая введением фигуры секретаря и портрета Екатерины I в медальоне связь прошлого и настоящего, иными словами — связь истории и политики. Иллюстрация к последнему диалогу из серии (86 интервью) возвращает нас к панегирической теме, обозначенной в иллюстрации к 83 интервью. Таким образом, фронтисписы к серии "Разговоров. . ." Петра I и Ивана IV образуют законченный ансамбль, обогащающий содержание текста. Обладающие силой прямого воздействия, предпосланные популярному изданию, эти визуальные образы должны были стать действенным инструментом в создании образа России в общественном мнении не только Саксонии, где они были изданы, и немецкоязычном мире, но и в Европе в целом.

Илл. 1. Фронтиспис к первой части "Разговора Петра Великого и Ивана Грозного" Д. Фассмана (83 энтrevю). 1725. Гравюра резцом. © Российская национальная библиотека (шифр 13.13.5.31), С.-Петербург.

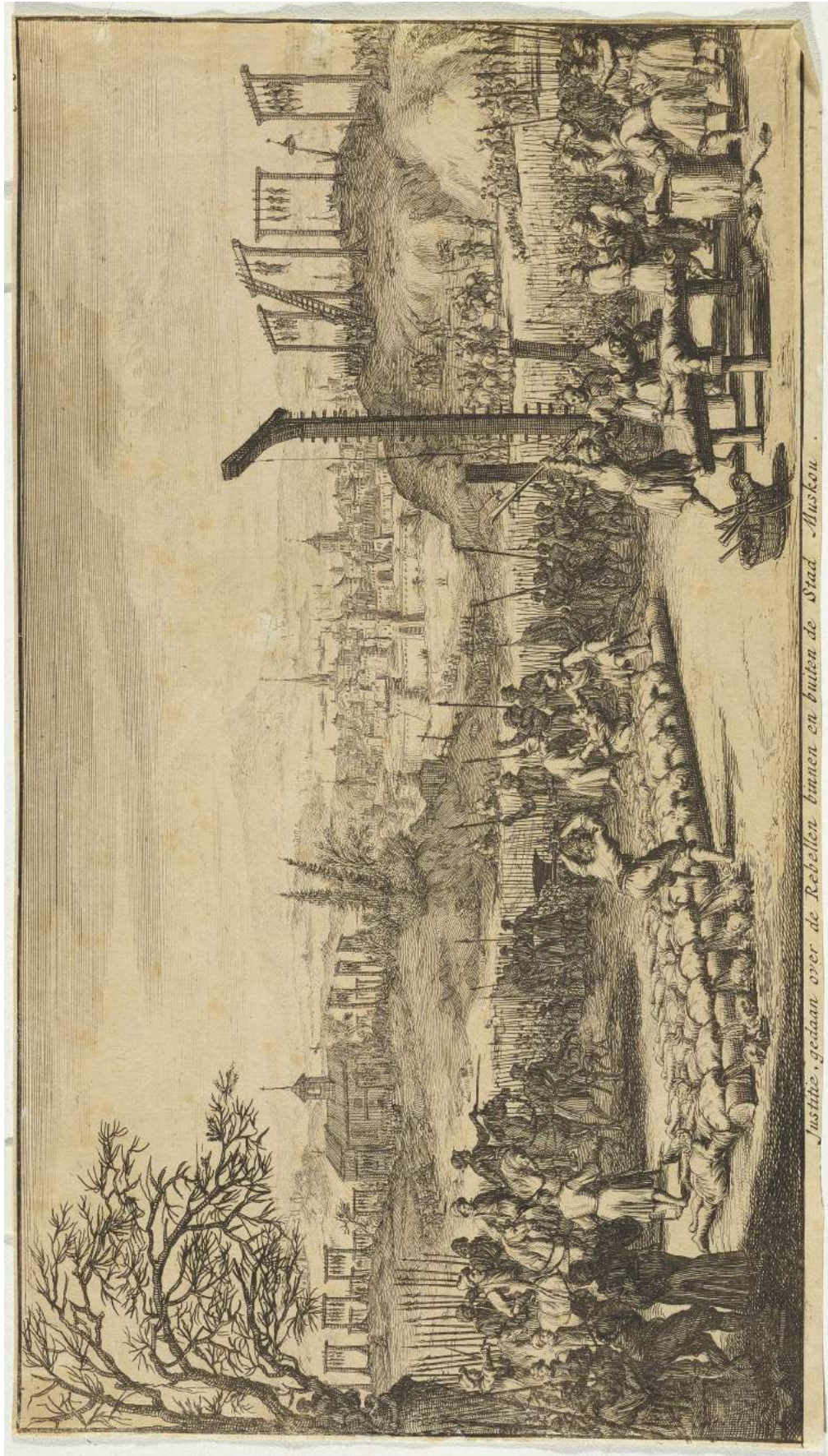
Илл. 2. Фронтиспис ко второй части "Разговора Петра Великого и Ивана Грозного" Д. Фассмана (84 энтревью). 1725. Гравюра резцом.
 © Российская национальная библиотека (шифр 13.8.4.63), С.-Петербург.

Илл. 3. Фронтиспис к третьей части “Разговора Петра Великого и Ивана Грозного” Д. Фассмана (85 энтревью). 1725. Гравюра резцом.
© Российская национальная библиотека (шифр 13.8.4.64), С.-Петербург.

Илл. 4. Фронтиспис к четвертой части "Разговора Петра Великого и Ивана Грозного" Д. Фассмана (86 энтревью). 1725. Гравюра резцом.
 © Российская национальная библиотека (шифр 13.8.4.65), С.-Петербург.

Илл. 5. Казнь стрельцов. Гравюра резцом. ЭРГ-7821. © Государственный Эрмитаж, С.-Петербург.

Илл. 6.
 Казнь стрельцов.
 Иллюстрация к
 "Дневнику" Корба
 (KORB J. G.,
 Diarium itineris in
 Moscoviam...
 Wien, [1700]).
 Гравюра резцом.
 © Российская
 национальная
 библиотека
 (шифр 13.14.41),
 С.-Петербург.

Библиография

ВАСИЛЬЕВ 1966

ВАСИЛЬЕВ В. Н., ред., *Памятники русской культуры первой четверти XVIII века в собрании Государственного Эрмитажа: каталог*, Ленинград, Москва, 1966.

ГОЛИКОВ 1791

ГОЛИКОВ И., *Дополнение к деяниям Петра Великого*, 15, Москва, 1791.

ДАНИЕЛЬ 1989

ДАНИЕЛЬ С. М., “Кончетто / Изображение и слово в искусстве барокко”, in: *Проблема интерпретации литературных образов в изобразительном искусстве*, Ленинград, 1989, 28–37.

ЕРМАСОВ 2000

ЕРМАСОВ Е. В., “Петр I и Россия в немецкой публицистике первой четверти XVIII века” (диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук, Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, Саратов, 2000).

ИВАНОВА 2017

ИВАНОВА М. В., “Похвала сокрытию: о протеистической модели философствования”, *Вопросы философии*, 5, 2017, 102–111.

ИСАЧЕНКО 2014

ИСАЧЕНКО Е. Г., “«Разговоры в царстве мертвых» А. П. Сумарокова”, in: *Литературная культура России XVIII века*, 5, С.-Петербург, 2014, 100–118.

КОРЬ 1867

КОРЬ И. Г., *Дневник поездки в Московское государство Игнатия Христофора Гвариента, посла императора Леопольда I к царю и великому князю московскому, Петру Первому, в 1698 году, веденный секретарем посольства Иоанном Георгом Корбом*, перев. с лат. Б. ЖЕНЕВА, М. СЕМЕВСКОГО, Москва, 1867.

——— 1906

КОРЬ И. Г., *Дневник путешествия в Московию (1698 и 1699 гг.)*, перев. и примеч. А. И. МАЛЕИНА, С.-Петербург, 1906.

МАЙКОВ 1891

МАЙКОВ Л. Н., *Рассказы Нартова о Петре Великом*, С.-Петербург, 1891.

МИНЦЛОВ 1856

МИНЦЛОВ Р., “Библиографические отрывки. Статья пятая. Несколько редких и малоизвестных иноязычных сочинений, относящихся до Петра Великого и его века”, *Отечественные записки*, 104 (2), 1856, 345–395.

МИХАЙЛОВСКИЙ 1895

МИХАЙЛОВСКИЙ И. Н., *Очерк жизни и службы Николая Спафария в России*, Киев, 1895.

НИКОЛАЕВ 1996

НИКОЛАЕВ С. И., *Литературная культура Петровской эпохи*, С.-Петербург, 1996.

ПАНЧЕНКО, УСПЕНСКИЙ 1983

ПАНЧЕНКО А. М., УСПЕНСКИЙ Б. А., “Иван Грозный и Петр Великий: концепции первого монарха”, in: *Труды Отдела древнерусской литературы*, 37, Ленинград, 1983, 54–78.

ПОЛОНСКИЙ 2013

ПОЛОНСКИЙ Д. Г., “Самоидентификация русского дворянства и петровская реформа эпистолярного этикета (конец XVII – начало XVIII в.)”, in: *Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682–1750)*, Москва, 2013, 234–255.

P.P.V. 1841

[P.P.V.], ред., “Разговор между трех приятелей, сошедшихся в одном городе, а именно: Менарда, Таландра и Варемунда”, *Русский Вестник*, 4, 1841, 304–360.

Illustrations to "Gespräche in dem Reiche derer Todten zwischen dem vortreflichen Moscowitischen Czaar Petro Magno und dem grossen Tyrannen Ivan Basilowiz II" (Peter the Great and Ivan the Terrible) by David Fassmann (1725) as an Instrument of Constructing a Picture of Russia

РОВИНСКИЙ 1886–1889, 1–4

РОВИНСКИЙ Д. А., *Подробный словарь русских гравированных портретов*, 1–4, С.-Петербург, 1886–1889.

САВВАИТОВ 1865

САВВАИТОВ П. В., "Описание старинных царских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора, извлеченное из рукописей архива Московской Оружейной палаты; с объяснительным указателем (с 12-ю таблицами рисунков)", *Записки Императорского Археологического общества*, 11, 1865, 270–608.

СКВОРЦОВА 2015

СКВОРЦОВА Е. А., "Иллюстрации к «Разговорам в царстве мертвых»: проблема утверждения титула императора России в XVIII веке", *Актуальные проблемы теории и истории искусства*, 5, С.-Петербург, 2015, 503–512, DOI: 10.18688/aa155-6-55.

ТРЕДИАКОВСКИЙ 1963

ТРЕДИАКОВСКИЙ В. К., *Избранные произведения*, вступ. ст. и подготовка текста Л. И. Тимофеева, примеч. Я. М. Строчкова, Москва, Ленинград, 1963.

УСТРЯЛОВ, 1–4/2

УСТРЯЛОВ Н. Г., *История царствования Петра Великого*, 1, 3, 4/2, С.-Петербург, 1858–1863.

BILDINDEX

Bildindex der Kunst & Architektur: Deutsches Dokumentationszentrum für Kunstgeschichte – Bildarchiv Foto Marburg (<http://www.bildindex.de/document/obj35008712?part=0&medium=hauma-aubry-ab3-0043>; last access on: 15.12.2017)

DIGITALER PORTRAITINDEX

Digitaler Portraitindex der druckgraphischen Bildnisse der Frühen Neuzeit: Deutsches Dokumentationszentrum für Kunstgeschichte – Bildarchiv Foto Marburg (<http://www.portraitindex.de/documents/obj/oai:baa.onb.at:4152820>; last access on: 15.12.2017)

FASSMANN 1725-83

[FASSMANN D.], *Gespräche in dem Reiche derer Todten, 83 Entrevuë, Zwischen Dem vortreflichen Moscowitischen Czaar Petro Magno, Und Dem grossen Tyrannen, Ivan Basilowiz II. Ebenfalls einem Czaaren von Moscau, Worinnen die Ankunfft des Erstern in dem Reiche derer Todten, wie auch verschiedene sonderbare Nachrichten von seiner hinterlassenen Gemahlin, und dann die entsetzliche Historie des letztern, welche nicht ohne Erstaunen kann gelesen werden, ingleichen mancherley wichtige Discurse, enthalten. Samt dem Kern derer neusten Merkwürdigkeiten, und darüber gemachten curieusen Reflexionen*, Leipzig, 1725.

——— 1725-84

[FASSMANN D.], *Gespräche in dem Reiche derer Todten, 84 Entrevuë, Bestehende, In einer Fortsetzung der vorhergehenden, Zwischen Dem vortreflichen Moscowitischen Czaar Petro Magno, Und Dem grossen Tyrannen, Ivan Pasilowiz II. Ebenfalls einem Czaaren von Moscau, Worinnen der Beschluss der Historie des letztern, und sonderbare Nachrichten von der Religion derer Moscowiter, auch Anmerkungen über die Punkte, in Ansehung derer sie entweder von denen Evangelischen, oder Römisch-Catholischen, unterschieden, ingleichen verschiedene, zur Historie Petri Magni gehörige, wundersame Erzehlungen enthalten. Samt dem Kern derer neusten Merkwürdigkeiten, und darüber gemachten curieusen Reflexionen*, Leipzig, 1725.

——— 1725-85

[FASSMANN D.], *Gespräche in dem Reiche derer Todten, 85 Entrevuë, Bestehende, In einer Fortsetzung der vorhergehenden, Zwischen Dem vortreflichen Moscowitischen Czaar Petro Magno, Und Dem grossen Tyrannen, Ivan Basilowiz II. Ebenfalls einem Czaaren von Moscau, Worinnen viele sonderbare Nachrichten, von dem Leben und der Regierung Petri Magni, mitgetheilt werden. Samt dem Kern derer neusten Merkwürdigkeiten, und darüber gemachten curieusen Reflexionen*, Leipzig, 1725.

——— 1725-86

[FASSMANN D.], *Gespräche in dem Reiche derer Todten, 86 Entrevuë, Bestehende, In einer Fortsetzung und Vollendung, derer vorhergehenden, Zwischen Dem vortreflichen Moscovitischen Czaar Petro Magno, Und Dem zwar auch grossen, aber über alle Massen strengen Ivan Basilowiz II. Ebenfalls einem Czaaren von Moscau, Worinnen der Beschluss der Historie und Erzählung derer grossen Thaten der Ersten, wie auch den ganzen Materie, welche in denen drey vorhergehenden Entrevuën tractiert worden, nebst vielen anderen sonderbaren und wichtigen Discursen enthalten. Samt dem Kern derer neusten Merkwürdigkeiten, und darüber gemachten curieusen Reflexionen*, Leipzig, 1725.

——— 1728

[FASSMANN D.], *Curieuses und Besonders Gespräche In dem Reiche derer Todten, Zwischen Dem Helden-müthigen Könige in Schweden Carl XII. Und Dem unvergleichlichen Czaar Petro Magno, Worinnen Ihre ganzte Historie und rühmliche Thaten beschrieben*, Frankfurt und Leipzig, 1728.

——— 1729

[FASSMAN D.], *Gespräche In Dem Reiche derer Todten, Hundert Neun und Zwansigste Entrevuë, Zwischen Der Rußischen Kayserin Catharina, Und Der weltberühmten Orientalischen Königin Zenobia, Worinnen, nebst einer Lesens-würdigen Dedication und Vorrede zum 9ten Band dieser Gespräche, auch mancherley sonderbaren Discursen, die herrliche Historie beyder grossen Printzeßinnen enthalten. Samt dem Kern derer neuesten Merckwürdigkeiten, und darüber gemachten curieusen Reflexionen*, Leipzig, 1729.

——— 1730

[FASSMANN D.], *Gespräche in dem Reiche derer Todten, Hundert Acht und Dreyßigste Entrevue. Zwischen Dem Knees Menzikoff, Und Dem Frantzösischen Marschall von Ancre, worinnen, nebst ganz sonderbaren Discursen, dieser beyden wundersamen Personen gehabtes Erstaunenswürdiges Glückes, aber auch darauf erfolgter, erschrecklicher Fall, [. . .] enthalten*, Leipzig, 1730.

——— 1732-1

[FASSMANN D.], *Gespräche in dem Reiche derer Todten, Hundert Neun and Dreyßigste Entrevuë, zwischen Dem letzt-verstorbenen jungen Russischen Kayser Petro II. Und Seinem Vater, dem Czaarewitz, Alexio Petrowitz, Worinnen die Historie des Letztern, nebst vielen sonderbaren Discursen und Nachrichten enthalten. Samt dem Kern derer neuesten Merkwürdigkeiten, und darüber gemachten curieusen Reflexionen*, Leipzig, 1732.

——— 1732-2

[FASSMANN D.] *Gespräche In Dem Reiche derer Todten, Hundert und Viertzigste Entrevuë, Bestehende, In einer Fortsetzung und Vollendung der nechst-vorhergehenden, Zwischen Dem letzt-verstorbenen jungen Rußischen Käyser, Petro II. Und Seinem Vater, dem Czaarewitz, Alexio Petrowitz: Worinnen die Historie des jungen Monarchen, desgleichen verschiedene sonderbare Discurse und Nachrichten enthalten. Samt dem Kern derer neuesten Merckwürdigkeiten, und darüber gemachten curieusen Reflexionen*, Leipzig, 1732.

——— 1737

[FASSMANN D.], *Gespräche im Reiche derer Todten, Zwei Hundert Vier und Zwansigste Entrevuë, Zwischen Dem Russischen Knees oder Fürsten, Basilio Galliczyn, Der im vorigen Seculo, al sein grosser Czaarischer General und Ministre, berühmt worden, Und Dem, im verwichenen 1736ten Jahre verstorbenen, Vortrefflichen Russischen General Carl von Hochmuth, Linen Sachsen von Geburt, Worinnen, Unter vielen herrlichen Discursen, beyder aufgeführtet Personen Leben, gehabte sonderbare Fata, und gethane Thaten enthalten. Samt dem Kern derer neuesten Merkwürdigkeiten, und darüber gemachten curieusen Reflexionen. Ingleichen dem Register zum Vierzahnden Band dieser Gespräche*, Leipzig, 1737.

——— 1741-1

[FASSMANN D.], *Erster Theil Des Gespräches im Reiche derer Todten, zwischen dem Allerdurchlauchtigsten/ Großmächtigsten/ unüberwindlichsten Kayser, Fürsten und Herrn,*

Illustrations to "Gespräche in dem Reiche derer Todten zwischen dem vortreflichen Moscovitischen Czaar Petro Magno und dem grossen Tyrannen Ivan Basilowiz II" (Peter the Great and Ivan the Terrible) by David Fassmann (1725) as an Instrument of Constructing a Picture of Russia

Carolo VI. Des Heil. Römischen Reichs erwählten Kayser, Könige zu Ungarn und Böhheim, Erzherzoge zu Oesterreich. Und der Allerdürchlautisten / Großmächtigsten Kayserin und Groß-Fürstin, Frauen Anna, Kayserin, Groß-Fürstin and Selbst-Erhalterin von Russland. Worinnen dieser beyden höchsten Häupter Leben, und eines ewigen andenckenswürdige Thaten, ganz besonders hohe Eigenschaften, und was zu ihren Historien gehört, zu finden, Braunschweig und Leipzig, 1741.

——— 1741-2

[FASSMANN D.], *Gespräch im so genannten Reiche der Todten, zwischen Elisabetha, Königin von England und Ireland, und Anna Ivanowna, Kayserinn und Selbst-Halterin aller Russen. darinnen dieser beyden Damen merckwürdiges Leben und Ihre so Weise, als Höchst-Beglückte Regierung, aus sonderbaren Nachrichten, glaubwürdig erzehlet wird, Franckfurt am Mayn, 1741.*

BAUMBACH 2002

BAUMBACH M., *Lukian in Deutschland. Eine forschungs- und rezeptionsgeschichtliche Analyse vom Humanismus bis zur Gegenwart*, München, 2002.

DREYFÜRST 2014

DREYFÜRST S., *Stimmen aus dem Jenseits: David Fassmanns historisch-politisches Journal "Gespräche in dem Reiche derer Todten" (1718–1740)*, Berlin, Boston, 2014.

ECKHARDT 1987

ECKHARDT N., "Arzt, Medizin und Tod im Spiegel der von David Fassmann (1683–1744) in den Jahren 1718 bis 1739 herausgegebenen Zeitschrift "Gespräche in dem Reiche derer Todten" (Dissertation zur Erlangung des Grades eines Doktors der Medizin Der Medizinischen Fakultät der Universität Düsseldorf, Düsseldorf, 1987).

FÖRSTER 1834

FÖRSTER F., *Friedrich Wilhelm I, König von Preussen*, 1, Potsdam, 1834.

FRANKE 2005

FRANKE P., "Zwischen Pietismus und Orientalismus. Eine Begegnung in "Reiche derer Todten" zwischen Ernst dem Frommen und Mulay Ismail," in: *Interdisziplinäre Pietismusforschungen Beiträge zum Ersten Internationalen Kongress für Pietismusforschung 2001*, Tübingen, 2005, 769–779.

GRIESSE 2013

GRIESSE M., "Der diplomatische Eklat um das Gesandtschaftstagebuch von Johann Georg Korb (1700/01): Ein Zusammensto unterschiedlicher frühneuzeitlicher Bilkulturen?" in: *Politische Kommunikation zwischen Imperien. Der diplomatische Aktionsraum Südost- und Osteuropa* (= Innsbrucker historische Studien, 29), Innsbruck, Wien, Bozen, 2013, 87–124.

GUDEN 1831

GUDEN K. F. A., *Chronologische Tabellen zur Geschichte der deutschen Sprache und National-Literatur*, 1, Leipzig, 1831.

KORB 1700

KORB J. G., *Diarium itineris in Moscoviam per illustris ac magnifici domini Ignatii Christophori de Guarient et Rall, Sacri Romani Imperii, & Regni Hungariae Equitis, Sacrae Caesareae Majestatis Consilarii Aulico-Bellici ab Augustissimo & Invictissimo Romanorum Imperatore Leopoldo I. ad Serenissimum, ac Potentissimum Tzarum et Magnum Moscoviae Ducem Petrum Alexiowicium anno MDCXCVIII ablegati extraordinarii*, Wien, [1700].

KRAUZE 2001

KRAUZE J., "David Fassmann's »Gespräche im Reiche derer Todten«. Kultur und literaturgeschichtliche Form und Wirkung," *Studia Niemcoznawcze*, 22, 2001, 259–275.

LINDENBERG 1937

LINDENBERG L., *Leben und Schriften David Fassmann's (1683–1744): mit besonderer Berücksichtigung seiner Totengespräche*, Berlin, 1937.

——— 1971

LINDENBERG L., "David Fassmann (1683–1744)," in: H.-D. FISCHER, Hrsg., *Deutsche Publizisten des 15. Bis 20. Jahrhunderts*, Pullach i. Isartal, Berlin, 1971, 87–97.

MÄNNLING 1715

MÄNNLING J. CH., *Deutsch-Poetisches Lexicon der auserlesensten Phrasiologi aus denen vornehmsten Poëten, e.g. Opitz, Tocherning, Flemming, absonderlich aber Hoffmannswaldau, Abschätzen, Lohensteinen, Gryphiis, Neukirchen, Mühlpforten, Hallmannen und andern hellen Sternen Schlesiens; zusammengetragen nebst der Historia Mythologica der heydnischen Götter und Göttinnen. . .*, Frankfurt, Leipzig, 1715.

——— 1719

MÄNNLING J. CH., *Poetisches Lexicon, darinnen die schönsten Realia und auserlesensten Phrases aus denen berühmtesten Poeten Schlesiens so dann eine vollständige Historia Mythologica derer hendnischen Götter und Göttinnen und endlich ein richtiges Reim-Register nach Ordnung des Alphabeths allen Liebhabern der Poeste und Vergnügen sonderlich aber der studierenden Jugend zum Nutz enthalten*, Frankfurt, Leipzig, 1719.

MARCIALIS 1989

MARCIALIS N., *Caronte y Catarina: Dialoghi dei morti nella letteratura russa del XVIII secolo*, Roma, 1989.

MATTHES 1987

MATTHES E., "Das veränderte Russland und die unveränderten Züge des Russenbilds," in: M. KELLER, Hrsg., *Russen und Russland aus deutscher Sicht. 18. Jahrhundert: Aufklärung*, München, 1987, 109–135.

PRUTZ 1845

PRUTZ R. E., *Geschichte des Deutschen Journalismus*, 1, Hannover, 1845.

RENTSCH 1895

RENTSCH J., "Das Totengespräch in der Literatur," in: *Lucianstudien*, 1: *Wissenschaftliche Beilage zu dem Programme des königlichen Gymnasiums zu Plauen*, Plauen, 1895, 15–40.

RUTLEDGE 1974

RUTLEDGE J., *The Dialogue of the Dead in Eighteenth-Century Germany*, Bern, Frankfurt, 1974.

SKVORTCOVA 2016

SKVORTCOVA E., "Russian Empresses and their Foreign Counterparts: The Validation of the New Title of the Russian Ruler in Illustrations of David Fassman's 'Dialogues of the Dead'," in: *Study Group on Eighteenth-Century Russia Newsletter (New Series): Synopses of Papers Read at the Annual Meetings of the Study Group*, 4, 2016 (<http://www.sgecr.co.uk/newsletter2016/skvortcova.html>; last access on 15.12.2017)

TRIPOTA

Trierer Porträtdatenbank (http://www.tripota.uni-trier.de/single_picture.php?signatur=121_anon_1246; last access on: 15.12.2017)

References

Baumbach M., *Lukian in Deutschland. Eine forschungs- und rezeptionsgeschichtliche Analyse vom Humanismus bis zur Gegenwart*, München, 2002.

Daniel S. M., "Konchetto / Izobrazhenie i slovo v iskusstve barokko," in: *Problema interpretatsii literaturnykh obrazov v izobrazitel'nom iskusstve*, Leningrad, 1989, 28–37.

Dreyfürst S., *Stimmen aus dem Jenseits: David Fassmanns historisch-politisches Journal "Gespräche in dem Reiche derer Todten" (1718–1740)*, Berlin, Boston, 2014.

Franke P., "Zwischen Pietismus und Orientalismus. Eine Begegnung in "Reiche derer Todten" zwischen Ernst dem Frommen und Mulay Ismail,"

in: *Interdisziplinäre Pietismusforschungen Beiträge zum Ersten Internationalen Kongress für Pietismusforschung 2001*, Tübingen, 2005, 769–779.

Griesse M., "Der diplomatische Eklat um das Gesandtschaftstagebuch von Johann Georg Korb (1700/01): Ein Zusammenstoß unterschiedlicher frühneuzeitlicher Bildkulturen?" in: *Politische Kommunikation zwischen Imperien. Der diplomatische Aktionsraum Südost- und Osteuropa* (= Innsbrucker historische Studien, 29), Innsbruck, Wien, Bozen, 2013, 87–124.

Isachenko E. G., "Dialogues of the Dead of A. P. Sumarokov," in: *Literaturnaia kul'tura Rossii XVIII veka*, 5, St. Petersburg, 2014, 100–118.

Ivanova M. V., "The Praise of Concealment: On the Proteistic Model of Philosophizing," *Voprosy Filosofii*, 5, 2017, 102–111.

Krauze J., "David Fassmann's »Gespräche im Reiche derer Todten«. Kultur und literaturgeschichtliche Form und Wirkung," *Studia Niemcoznawcze*, 22, 2001, 259–275.

Lindenberg L., *Leben und Schriften David Fassmann's (1683–1744): mit besonderer Berücksichtigung seiner Totengespräche*, Berlin, 1937.

Lindenberg L., "David Fassmann (1683–1744)," in: H.-D. Fischer, Hrsg., *Deutsche Publizisten des 15. Bis 20. Jahrhunderts*, Pullach i. Isartal, Berlin, 1971, 87–97.

Marcialis N., *Caronte y Catarina: Dialoghi dei morti nella letteratura russa del XVIII secolo*, Roma, 1989.

Matthes E., "Das veränderte Russland und die unveränderten Züge des Russenbilds," in: M. Keller, Hrsg., *Russen und Russland aus deutscher Sicht. 18. Jahrhundert: Aufklärung*, München, 1987, 109–135.

Nikolaev S. I., *Literaturnaia kul'tura Petrovskoi epokhi*, St. Petersburg, 1996.

Panchenko A. M., Uspenskij B. A., "Ivan Groznyi i Petr Velikii: kontseptsii pervogo monarkha," in: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, 37, Leningrad, 1983, 54–78.

Polonski D. G., "Samoidentifikatsiia russkogo dvorianstva i petrovskaja reforma epistolarnogo etiketa (konets XVII – nachalo XVIII v.)," in: N. N. Petrukhintsev, L. Erren, eds., *Ruling Elites and the Nobility in Russia during and after the Reforms of Peter the Great (1682–1750)*, Moscow, 2013, 234–255.

Rutledge J., *The Dialogue of the Dead in Eighteenth-Century Germany*, Bern, Frankfurt, 1974.

Skvortcova E., "Illustrations to 'Dialogues of the Dead': A Problem of the Validation of the Title of the Russian Emperor in the 18th Century," in: *Actual Problems of History and Theory of Art*, 5, St. Petersburg, 2015, 503–512, DOI: 10.18688/aa155-6-55.

Skvortcova E., "Russian Emperesses and their Foreign Counterparts: The Validation of the New Title of the Russian Ruler in Illustrations of David Fassmann's 'Dialogues of the Dead,'" in: *Study Group on Eighteenth-Century Russia Newsletter (New Series): Synopses of Papers Read at the Annual Meetings of the Study Group*, 4, 2016 (<http://www.sgecr.co.uk/newsletter2016/skvortcova.html>).

Vasilyev V. N., ed., *Pamiatniki russkoi kul'tury pervoi chetverti XVIII veka v sobranii Gosudarstvennogo Ermitazha: katalog*, Leningrad, Moscow, 1966.

Acknowledgements

Russian Science Foundation. Project No. 17-78-10130.

Екатерина Александровна Скворцова, канд. искусствоведения
С.-Петербургский государственный университет, Институт истории,
старший преподаватель кафедры истории русского искусства
199034 С.-Петербург, Менделеевская линия, д. 5
Россия/Russia
e.skvortsova@spbu.ru

Received August 21, 2017